

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 55.

7 СЕНТЯБРЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цена 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ предстоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферга; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

КРОМѢ 51 НУМЕРА ТЕКСТА, при Вѣстникѣ *еженедѣльно* будутъ прилагаемы МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПІЕСЫ: музыки классической, салонной, для пѣнія, въ 4 руки и для танцевъ, извѣстнѣйшихъ композиторовъ; въ теченіе года ОТЪ 70-ти ДО 80-ти ПІЕСЪ.

Будутъ приложены: ТРИ ПОРТРЕТА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ АРТИСТОВЪ.

Подписавшіеся на 1859 годъ получаютъ немедленно при взносѣ подписныхъ денегъ, а гг. иногородные, по высылкѣ

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кигнера, кв. №23.

Къ 35-му № прилагаются: Криполиг-полька К. Лядова и «La Rose» полька-мазурка Фауста.

Содержаніе: Театральная лѣтопись (М. Раппанорта).—Г-жа Стрѣльская. — Последнія минуты Рашели. — Замѣчательныя пѣвцы. — Герцогъ-гитаристъ. — Театральный и музыкальный вѣсти изъ разныхъ городовъ Россіи. — Иностранный Вѣстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Начало осенняго сезона. — Выходъ г. Мартынова. — Нѣсколько словъ о г-нѣ Чернышевѣ. — Бенефисъ г-жи Шубертъ. — Возобновленіе Театра-Церка. — Жизнь за Царя. — Дебютъ г. Кюна. — Открытіе французскихъ спектаклей. — Итальянская опера.

Осенній сезонъ начался вполне удачно: въ самомъ началѣ новая піеса, удачно составленный бенефисъ и вообще занимательные спектакли,—безъ сомнѣнія давши, по которымъ можно судить, что репертуаръ нашей русской сцены будетъ въ продолженіе нынѣшней зимы необыкновенно разнообразенъ и интересенъ. О новой піесѣ: *Богатая невеста*, былъ уже своевременно помѣщенъ отчетъ въ Вѣстникѣ. Хотя піеса эта не выдержала строгой критики, тѣмъ не менѣе она весьма пріятное явленіе въ нашей драматической литературѣ и, благодаря прекрасному исполненію на нашей

требованія на полученіе Т. и М. Вѣстника, съ перзою отходящую почтою, въ видѣ преміи, полную оперу: «МАРГА», въ двѣ руки, для фортепіано.

При 1 № (за январь) будетъ приложенъ ЦѢЛЫЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ танцевъ извѣстнѣйшихъ бѣлыхъ композиторовъ: Страуса, Гунгла, Бланке, Фарбаха, Лядова и др.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПІЕСЫ будутъ издаваться по примѣру нынѣшняго года *ежемесячно* отдѣльными книжками.

сценѣ, имѣла нѣкоторый успѣхъ. И объ исполнителяхъ было сказано,—снѣжимъ только прибавить, что г-жа Жулева отличилась въ одной изъ главныхъ ролей, которую она передала съ большимъ чувствомъ и пониманіемъ. Любимый нашъ артистъ, г. Мартыновъ явился, въ первый разъ по возвращеніи изъ-за границы, въ извѣстной драмѣ Потѣхина: *Чужое добро въ прокъ нейдетъ*, въ роли Михайлы и встрѣченъ былъ громкими рукоплесканіями, хотя, какъ намъ казалось, въ примѣ этомъ неоставало того одушевленія, съ которымъ обыкновенно встрѣчали знаменитаго нашего комика. Трудно объяснить себѣ причину, а все дѣло въ томъ, что вѣроятно публика была въ этотъ вечеръ, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ. Мы имѣемъ полное основаніе думать такъ, тѣмъ болѣе что замѣтили совершенное равнодушіе къ подвигу молодого артиста, заслужившаго однакожь не только одобреніе, но и благодарности:—мы говоримъ о г-нѣ Чернышевѣ, артистѣ съ талантомъ и съ горлачею любовью занимающемуся искусствомъ. По неизвѣстной намъ причинѣ, онъ явился въ роли г. Самойлова,—роли весьма трудной, которую, какъ намъ положительно извѣстно, онъ выучилъ въ два дня. Уже не въ первый разъ случается г-ну Чернышеву являться въ роляхъ извѣстныхъ артистовъ и каждый разъ онъ играетъ, если не съ совершенствомъ, то весьма, весьма добросовѣстно. Въ драмѣ Потѣхина онъ былъ даже очень хорошъ и натураленъ; многія сцены переданы были имъ съ чувствомъ, толкомъ, выказывавшимъ въ немъ проблескъ истиннаго дарованія. Конечно, послѣ Самойлова трудно произвести эффектъ и,

главное, невозможно вдруг и всем сделаться Самойловыми, но плохой тот солдат, который не надеется быть генералом, и во всяком случае стремления г-на Чернышева похвальны и заслуживают поощрения. И Самойловы, и Максимовы, и Мартыновы не сделались вдруг знаменитостями, и они сначала испытывали свои силы в разных ролях, нуждались в снисхождении, — отчего же не начинать так и г. Чернышеву? Мы сами слышали толки некоторых господ, вопиющих против него, что он осмелился выйти в роли Самойлова; — напрасно! — во-первых, роль была поручена г-ну Чернышеву и он не имел права отказаться; во вторых, повторю, молодому артисту необходимо испытывать свои силы во всех родах, чтобы иметь возможность в точности определить свои способности и талант. Многие, весьма даже многие находят, что г. Чернышев исполнил свою роль весьма удовлетворительно (с чем мы совершенно согласны), между тем в продолжение пьесы и по окончании никто не вздумал вознаградить артиста за его старание малейшим выражением одобрения, так драгоценным для начинающего! Никто не решился начать и главная роль отодвинулась как бы на второй план; — а кому же, если не публике, поощрять начинающие таланты? Впрочем, всякое начало трудно; советуем г. Чернышеву не останавливаться, продолжать трудиться безропотно, — придет время и на его улице будет праздник.

Мы говорили уже, что бенефис г-жи Шуберть составлен был удачно и, главное, разумно. Бенефициантка не прибегла к фарсам, потрясающим драмам, неизбежному дивертисменту, а подарила нам умною, занимательною переводною пьесой и двумя оригинальными; в бенефис ей принимали участие все лучшие наши артисты, — и что же? милая наша артистка втройно должна раскаться... увы! театр был далеко не полон. Становится грустно, когда подумаешь, что только испещренная афиша имеет влияние на нашу публику, что только бессмысленные пьесы с сражениями, превращениями и т. п. могут привлечь ее в театр. Это приводит нас к горькому заключению, что у нас еще вкус не образовался; понятия о драматическом искусстве еще в младенчестве. Прежде чем приступить к отчету о бенефисе г-жи Шуберть, мы принуждены ей сделать два упрека. Во-первых, талантливая артистка являлась только в одной пьесе и то последней, когда публика была уже утомлена и невольно должна была разбжаться; во вторых, спектакль продолжался уже слишком долго: просидеть в театре с половиною до 12-ти — тяжело, утомительно, и удовольствие, какое мы обыкновенно получаем от представления, чрез это значительно уменьшается; всему должна быть мера, а в особенности в удовольствии. Г-жа Шуберть весьма талантливая и любимая артистка (лучшим доказательством служит тот радужный прием, которым ее встретили при ее появлении), почему же лишать публику удовольствия видеть ее побольше на сцене в свой бенефис. Бенефициантка хозяйка вечера, большинство призывает для нея и следовательно она и должна исполнять обязанности лю-

безной хозяйки, угощать публику своим присутствием и деятельным участием в вечер, тем более когда уверена, что гостям это будет приятно; — в особенности же едва ли было бы являться в последней пьесе. Конечно, участие в бенефисе лучших артистов доставило всем много удовольствия и за то бенефициантка заслужила полную благодарность, но устранение себя почти от участия в собственном бенефисе, по нашему, излишняя скромность. Спектакль начался *Далию*, пьесой, написанною даровитым Октавом Фелье умно, занимательно и, главное, имеющею много общего с действительною жизнью. Далиль, подобных князей Фальконьеры, с несчастными их жертвами, встречаем, увы, в жизни на каждом шагу, во всех слоях общества, и появление ее на сцене не одному может напомнить виденное или испытанное нигде в жизни. Жалкая участь бедного Росвейна может послужить хорошим уроком многим, в особенности артистам с пылкою душою, которым почти всегда приходится испытать горе, если судьба послала им одного из тех отчаянных меломанов-протекторов, в роду Карпиоли, для которых артист не человек, а средство к их развлечению и удовлетворению врожденного им самолюбия. В *Далиль* много истинно-трогательных сцен, исполненных неподдельного чувства и истины, и участь действующих лиц занимает зрителя от начала до конца. В оригинале она написана изящным языком, который переводчики старались удержать по возможности в переводе; хотя иногда по неволі невозможно было передать тонкостей и игры слов, так свойственных французскому языку, но вообще перевод довольно удачен. Содержание пьесы было уже рассказано в Вестнике после появления ее на французской сцене, а потому, не распространяясь больше, будем говорить об исполнении. Главная роль, Далиль, поручена была г-же Владимировой. Мы с истинным удовольствием замечали, что артистка много трудилась над этой ролью; в игре ее мы заметили гораздо меньше против прежнего аффектации, а это важный шаг вперед, с чем искренно ее поздравляем. Исполнив этот приятный для нас долг, скажем однако, что, при всем старании г-жи Владимировой, необыкновенно трудная роль Далиль, кажется, еще не по ее силам и что следовательно в исполнении нельзя было не заметить много недостатков. Очаровательная наружность г-жи Владимировой как нельзя лучше идет к роли Далиль; при первом появлении ее, зрителю не трудно угадать участь Росвейна, но кроме наружности тут необходима еще опытность, которой недостает еще молодой артистке; конечно, тут главный виновник — молодость, а это недостаток, за который мы не имеем права упрекать г-жу Владимирову. Но при всем том считаем обязанностию указать на те недостатки, устранение которых будет зависеть от дальнейших ее трудов. Далиль — женщина с хорошими манерами, но вполне свободными; она смела, развязна, ей все ни-почем, и потому игра актрисы, передающей эту личность, должна быть свободна, развязна и оживлена; во всех движениях ее должно быть заметно, что она представляет жен-

щину, которая жила въ свѣтѣ и вполне сознаетъ свою красоту. Далила—существо холодное, мраморное и въѣстъ съ тѣмъ страстное, и эти отѣнки должны быть постоянно въ виду, артистки. Этой-то свободы неоставало въ игрѣ г-жи Владиміровой, ей неоставало той смѣлости, той развязности, которыя должны характеризовать личность Далилы. Послѣ сцены, когда она бросаетъ изъ ложи, въѣстъ съ букетомъ, свой платокъ, смѣхъ ея недовольно выражалъ то притворство и презрѣніе, которыми Далила хотѣла замаскировать свой поступокъ передъ Карніоли; плачь Далилы, когда она хочетъ убѣдить Росвейна въ своей невинности, былъ болѣе афектированнымъ, чѣмъ убѣждающимъ. Конечно, Далила притворяется, но у подобныхъ женщинъ слезы являются по заказу и, чтобъ убѣдить Росвейна, она должна плакать непритворнымъ плачемъ. Эти отѣнки весьма трудны и поэтому нужно артисткѣ изучить ихъ со всѣмъ возможнымъ стараніемъ; безъ этихъ отѣнковъ никакая драматическая роль не можетъ удасться. Г-жа Владимірова владеетъ всеми данными сдѣлаться отличной артисткой: привлекательная наружность, хорошій ростъ, сильный органъ,—вотъ качества, которыми она богата надѣлена; правильное примѣненіе этихъ качествъ зависитъ вполне отъ ея трудовъ, въ ея рукахъ артистическая ея будущность. Исполненіе роли тогда только вполне артистично, когда оно приближается къ дѣйствительной жизни,—вотъ главная задача, надъ которой должны трудиться всѣ молодыя артистки; судя по исполненію Далилы, намъ кажется, что г-жа Владимірова начала трудиться серьезно. Многія сцены исполнены ею были весьма удовлетворительно, въ особенности въ предпоследней картинѣ; для начала этого довольно и, по нашему мнѣнію, если вообще исполненіе Далилы не можетъ выдержать строгой критики, то прекрасныя намѣренія и трудъ артистки заслуживаютъ снисхожденіе и мы находимъ, что большинство публики поступило справедливо, вызвавъ ее по окончаніи. Что касается до насъ, то мы надѣемся, что г-жа Владимірова не пренебрежетъ нашими искренними совѣтами, и вполне увѣрены, что съ каждымъ представленіемъ она представитъ намъ случаи удостовѣряться въ ея быстрыхъ успѣхахъ. Г. Малышевъ, юный артистъ, недавно вступившій на театральныя подмостки, началъ свое поприще весьма удачно. Богъ надѣлилъ его замѣчательнымъ талантомъ; нѣкоторыя весьма удачно исполненныя имъ роли доказываютъ, что онъ занимается искусствомъ серьезно и съ любовью, но конечно и онъ невольно увлекается пыломъ молодости, юное его сердце такъ и стремится выразить все, что онъ чувствуетъ, и съ трудомъ подчиняется еще правиламъ и условіямъ, предписаннымъ искусствомъ, заключающимъ перѣдко въ тѣсную рамку и порывы чувства, хотя бы и не поддѣльнаго, но на сценѣ весьма часто излишніе. Во всемъ крайности вредны, въ особенности въ драматическомъ искусствѣ. Отъ трогательнаго до смѣшнаго одинъ шагъ; главная задача артиста должна заключаться въ томъ, чтобы именно онъ не впадалъ въ крайность, которая неизбежно ведетъ къ карикатурности. Г. Малышевъ исполнилъ роль пылкаго, слабаго Росвейна, молодого композитора съ истинно-артистическою душою; въ исполненіи этомъ вполне про-

бывался его замѣчательный талантъ, онъ игралъ съ увлеченіемъ, чувствомъ, но, по нашему мнѣнію, увлекался уже слишкомъ, отдаляясь отъ жизни дѣйствительной, и несчастное положеніе Росвейна уже не могло насъ тронуть. Излишняя жестификація и декламация всегда слишкомъ напоминаютъ, что мы въ театрѣ, что перелъ нами актеръ, а не представляемая личность.—вотъ чего совѣтуемъ г. Малышеву избѣгать. Въ особенности въ послѣднихъ картинахъ игра его была утрирована. При томъ, хотя Росвейнъ и молодой, начинающій артистъ, но въ лицѣ г. Малышева онъ вышелъ уже слишкомъ молодежливъ, и какъ-то зрителю становится невѣроятнымъ, чтобы онъ былъ въ состояніи хоть на минуту заинтересовать Далилу. Не смотря на эти недостатки (повторимъ, неизбежныя послѣдствія молодости), г. Малышевъ игралъ вообще очень недурно (въ особенности въ первыхъ картинахъ) и явно доказалъ, что талантъ у него большой, недостаетъ только опытности, для пріобрѣтенія которой необходимо время. Онъ подаегъ большія надежды—занять современемъ ампула нашего гениальнаго Максимова; совѣтуемъ ему внимательно вслушиваться и всматриваться въ игру знаменитато артиста: подобный примѣръ не всегда удается встрѣчать молодымъ артистамъ въ началѣ ихъ карьеры,—стало быть г. Малышевъ счастливѣе другихъ. Объ исполненіи прочихъ ролей не станемъ распространяться. Г. Самойловъ, по обыкновенію, мастерски создалъ, въ лицѣ графа Карніоли, типъ меломана-протектора. Намъ казалось только, что въ первыхъ картинахъ онъ придалъ личности Карніоли характеръ болѣе серьезный, чѣмъ онъ есть дѣйствительно, и что игра его должна быть нѣсколько оживленнѣе; за то въ послѣднемъ дѣйствіи г. Самойловъ былъ неподражаемо хорошъ; какъ и всегда, онъ произвелъ восторгъ, заслуженный тѣмъ болѣе что, хотя роль эта была гораздо раньше исполнена весьма удачно на французской сценѣ г. Вертономъ, онъ сумѣлъ создать трудную роль по-своему, не прибѣгая даже къ неизбежнымъ иногда подражаніямъ. Г-жа Сибкова 3-я была по обыкновенію увлекательно хороша и естественна въ роли бѣдной Марты. Г. Григорьевъ 1-й передалъ личность стараго музыканта съ тѣмъ пониманіемъ, къ которому онъ насъ давно пріучилъ.

О картинахъ изъ московской жпзни, г. Островскаго: *Не сошлись характерами*, былъ помѣщенъ въ нашемъ Вѣстникѣ, въ № 10 нынѣшняго года, разборъ В. Я. Стоюнина. На сценѣ еще рельефнѣе выдвинулись всѣ достоинства и недостатки, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Стоюнинъ; въ особенности при недостаткѣ дѣйствія и несообразной карикатурной развязкѣ пьеса г. Островскаго не можетъ имѣть особеннаго сценическаго успѣха. Исполненіе было прекрасное. Не говорю уже о г-жахъ Орловой, Лисковъ, гг. Зубровѣ, Яблочникѣ и др., которые по обыкновенію вѣрно очертили представляемые ими типы, особенно похвалы заслуживаетъ г-жа Федорова, весьма естественно исполнявшая роль глупенькой, но съ претензіями на свѣтскую даму купеческой дочери.

Спектакль окончился комедіей г. Фролова: *Капризница*. Въ повой, этой пьесѣ достоинствъ мало; она растянута,

скучновата и поддерживается только прекрасною обстановкою. Артисты, каковы г-жа Шубертъ, гг. Маргиновъ, Максимовъ и Марковецкій, вынесутъ на своихъ плечахъ хоть бы какую пьесу. Все содержаніе заключается въ капризахъ молоденькой, избалованной помѣщицѣй дочери, которая, въ особенности въ лицѣ г-жи Шубертъ, капризничаетъ премно, но наконецъ капризы эти надоѣдаютъ всѣмъ и въ особенности зрителю, который въ свою очередь становится капризнымъ и уѣзжаетъ изъ театра до окончанія пьесы. Вторяемъ, г-жа Шубертъ была очень привлекательная капризница; ее встрѣтили восторженно, — жаль только, что на долю ея попала пьеса для разъѣзда. Г. Мартыновъ, какъ и всегда, типически представилъ пылаго дворецкого, но, намъ кажется, въ настоящее время подобныя личности возбуждаютъ чувство отвращенія и могутъ смѣшить только раекъ...

Въ бенефисъ г-жи Шубертъ мы замѣтили въ числѣ зрителей лучшихъ нашихъ французскихъ артистовъ: г-жъ Напталъ-Арно, Роже Солье, гг. Бертонъ, Бондуа и Арно. Они съ видимымъ интересомъ слѣдили за ходомъ Дамисы и кажется были очень довольны исполненіемъ. Г-жа Арно увѣряла насъ, что она въ восторгѣ отъ артистической игры г. Самойлова; по мнѣнію ея, г-жѣ Сибтковой 3-й предстоитъ блистательная будущность; — думаемъ, что подобное мнѣніе опытной и знаменитой артистки должно доставить г-жѣ Сибтковой истинное удовольствіе и поэтому сообщаемъ его ей; намъ кажется, что похвалы собратьевъ дороже всѣхъ для артиста.

Театръ-Циркъ открылся вѣчно-чуждымъ, вѣчно-свѣжимъ произведеніемъ М. И. Глинки: *Жизнь за Царя*. Войдя въ Театръ, мы пріятно поражены были великолѣпнымъ видомъ, который нынѣ представляетъ залъ Цирка, благодаря нѣкоторымъ передѣлкамъ, сдѣланнымъ въ лѣтнее время. Въ плафонѣ сдѣланы улучшенія въ акустическомъ отношеніи и отъ этого резонансъ гораздо лучше прежняго; люстра выдвинута впередъ и теперь въ залѣ совершенно свѣтло, что придаетъ значительно больше рельефности украшеніямъ залы. *Жизнь за Царя* прослушана была съ тѣмъ восторгомъ, съ тѣмъ религіознымъ вниманіемъ, съ какимъ слушается всегда; каждый разъ намъ кажется, что мы присутствуемъ на первомъ представленіи, каждый разъ мы открываемъ въ великомъ произведеніи новыя красоты. *Жизнь за Царя* составляетъ одинъ изъ тѣхъ памятниковъ народной славы, которымъ суждено переходить изъ поколѣній въ поколѣнія и которымъ суждена вѣчная жизнь.

Нѣмецкая труппа открыла свои представленія драмой: „Der Jude“—(Еврей), въ которой дебютировалъ артистъ Дармштатскаго театра г. Кюнъ. Намъ не удалось быть на этомъ представленіи, но мы видѣли г. Кюна въ комическихъ роляхъ, въ комедіи: „Das Liebes-Protokoll“—(Любовный протоколъ) и въ водевилѣ: „Schneider Fips“—(Портной Финсъ). Въ игрѣ дебютанта много комизма и сценическаго навыка, хотя, намъ кажется, въ ней много афектаціи (существенный недостатокъ большей части нѣмецкихъ актеровъ). Игра его поминутно напоминаетъ зрителю, что перелъ нимъ актеръ. Впрочемъ г. Кюнъ правился публикѣ и мы отложимъ окончательное сужденіе объ его талантѣ до послѣ-

дующихъ его выходовъ. Спектакль, въ которомъ мы его видѣли, данъ былъ 30 августа, въ день тезоименитства Государя Императора, и на этотъ разъ нѣмецкимъ артистамъ досталась честь исполнить народный гимнъ: «Боже Царя храни»; исполненіе было прекрасное; замѣчательно, что русскія слова переданы ими были весьма отчетливо. Гимнъ былъ по общему требованію повторенъ.

Французскіе спектакли составляютъ по настоящее время изъ пьесъ прежняго репертуара: «Marquise de Seneterre», «Feu Lionel», «les Femmes terribles», «Margot» и друг. Публики бываетъ много. На первомъ представленіи восторженно встрѣтили г-жъ Арно и Мила. Когда пишемъ нашъ отчетъ, объявлена новая пьеса: «La boîte d'argent».

Итальянская опера начнется на этой недѣлѣ; всѣ почти артисты уже слѣхались, репетиціи въ полномъ разгарѣ и италіоманы скоро будутъ наслаждаться въ полномъ значеніи этого слова; поговариваютъ о новыхъ операхъ, между прочимъ о «Жидовкѣ»—Галеви, но пока это слухъ. Феррарисъ уже на пути, чрезъ недѣлю она будетъ у насъ.

М. РАППАПОРТЪ.

Г-жа СТРЕЛЬСКАЯ.

(Письмо въ Редакцію).

Въ прошедшемъ 1857 году Театральная Дирекція подарила намъ много новыхъ русскихъ талантовъ, которые мало по-малу усовершенствовались и въ настоящее время служатъ безспорно украшеніемъ нашей сцены.

Въ журналахъ разбирали дарованія юныхъ дебютантокъ и отдавали каждой должную похвалу. Изъ числа этихъ молодыхъ артистокъ довольно видное мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ г-жа Стрѣльская; ея имя мы рѣже другихъ встрѣчали при разборѣ театральныхъ произведеній; говорили о ней мелко и не было еще статьи собственно ей принадлежащей. Тутъ отчасти причиною бѣдность ея репертуара, которая какъ бы оглаждаетъ артистку на второй планъ, и амбуа субретки, которое не можетъ равняться съ амбуа драматической актрисы. Г-жа Стрѣльская совершенно создана для вышеупомянутыхъ ролей; ея подвижная и пріятная наружность, постоянно оживленное лицо и отсутствіе всякой робости въ игрѣ,—вотъ данныя, которыя говорятъ въ пользу ея прекраснаго дарованія. Первый дебютъ молодой актрисы, въ бенефисъ г. Саловскаго, въ комедіи: *Картинка съ натуры*, обѣщала уже многое. Г-жа Стрѣльская играла смѣло и непринужденно; она вѣрно олицетворила самую пансіонерку-мечтательницу, которая, по выходе замужъ, узнаетъ всю прозу жизни въ провинціи, и была вѣрна своей роли до конца пьесы. Публика награждала ее рукоплесканіями и вызовами послѣ каждой сцены: повтореніе ею этой роли было не менѣе улачно въ Михайловскомъ Театрѣ, гдѣ зрители одинаково сочувствовали дебютанткѣ, подававшей большія надежды на будущее развитіе своего дарованія.

20 мая, во второй дебютъ г-жи Стрѣльской, въ комедіи

Горе от ума, театр был полонъ; г. Максимовъ 1-й выходилъ послѣ болѣзни въ первый разъ въ роли Чацкого. Несмотря на овации достойному любимцу своему, публика единодушно вызвала и молодую артистку; иначе и быть не могло: силою таланта и сознательною, бойкою игрою, г-жа Стрѣльская выдвинулась замѣтно впередъ и обратила на себя общее вниманіе; это была въ полномъ смыслѣ горничная, какъ ее создалъ гениальный Грибоевъ и какой мы давно не видали на нашей сценѣ; она не безотчетно читала роль подобно многимъ, но создала живое, вѣрное лицо, и безусловно далеко превзошла тѣхъ, которые чередуются съ ней въ этой пьесѣ. Мы видѣли въ роли Лизы г-жу Колосову, но признаемся, что и эта замѣчательная актриса стоитъ ниже г-жи Стрѣльской по исполненію. Г-жа Стрѣльская—настоящая, типическая Лиза, и мы никогда не забудемъ, съ какою плуговскою улыбкою и тонкимъ юморомъ прочла она эти стихи:

Ну люди въ здѣшней сторонѣ!

Она къ нему, а онъ ко мнѣ!

А я,—одна лишь я, любви до смерти трупъ,

А какъ не полюбить буфетчика Петрушу.

Понториетъ, исполненіе роли Лизы было истиннымъ торжествомъ г-жи Стрѣльской; немногимъ суждено начинать съ подобнымъ успѣхомъ артистическое поприще и такъ-сказать съ боя завоевать симпатію и сочувствіе публики; будущее г-жи Стрѣльской отменно улыбается ей; въ ея талантѣ заключены всѣ условія разумнаго, самобытнаго развитія; какъ умная, горячо любящая искусство артистка, она не остановится на полпути и, по характеру своего бойкаго дарованія, современемъ воскреситъ намъ незабвенную Асенкову.

28 мая г-жа Стрѣльская играла третью роль, роль Лизы въ комедіи: *Средство выгнать волокиту*, и своей умной, развязной игрой поддерживала пьесу; рукоплесканія и возгласы браво рѣзко выдавали ей одобреніе публики; мѣтко олицетворяла дебютантка добрую, но неловкую деревенскую дѣвушку, привязанную всей душой къ своимъ господамъ. Четвртою ролью г-жи Стрѣльской была роль Вареньки въ водевилѣ: *Повички въ любви*; и здѣсь, какъ и въ прочихъ роляхъ, ее принимали единодушно и заставляли повторять всѣ куплеты. Съ открытіемъ зимняго сезона г-жа Стрѣльская повторила на Александринскомъ театрѣ двѣ изъ играныхъ ею ролей и 22 сентября играла въ водевилѣ: *Пансіонерка*, роль наивной кокетки Мери. Роль эта была украшеніемъ репертуара г-жи Шубертъ, но г-жа Стрѣльская вышла побѣдительницею и въ самыхъ трудныхъ сценахъ кокетства съ своимъ cousin была чрезвычайно мила.

13 октября она играла въ возобновленной комедіи: *Тереза*; кромѣ того участвовала въ 2-хъ новыхъ комедіяхъ, изъ которыхъ одна пала торжественно: *Петербургская барышня*, въ бенефисѣ г-жи Владиміровой, гдѣ на долю г-жи Стрѣльской выпала роль молоденькой горничной Кати; за исполненіе этой роли ее вызвали и требовали повторенія куплетовъ. Вторая роль, Устиньки, въ комедіи Островскаго: *Праздничный сонъ*, ей передана послѣ втораго представленія, по болѣзни г-жи Патаровой.

Послѣ Снятой еще три роли достались нашей милой

артисткѣ; г-жа Борисова оставила сцену и репертуаръ ея перешелъ къ г-жѣ Стрѣльской. Впослѣдствіи она исполнила небольшую роль Христинны, въ драмѣ *Стелла*; какъ мила и натураленъ вышелъ ея рассказъ—о намѣреніи идти къ королю и просить объ освобожденіи своей госпожи.

Роль Розы въ переводномъ водевилѣ: *Вальсъ цвѣточковъ*, и Финетты въ водевилѣ: *Голь на выдумку хитра*, доставили намъ истинное удовольствіе любоваться нѣсколько разъ игрою г-жи Стрѣльской; въ послѣднемъ водевилѣ она очень граціозно танцуетъ испанскій танецъ: *La Madriline*, и по желанію публики, всякій разъ повторяетъ его.

Кончая наше перечисленіе ролей г-жи Стрѣльской, мы должны отъ души благодарить милую артистку за достигаемое ею намъ удовольствіе своей натуральной, естественной игрою, и поздравить ее съ прелестнымъ дарованіемъ. Въ настоящее время ампула субретокъ исключительно принадлежитъ ей одной, безъ раздѣла.

Вниманіе и любовь публики къ г-жѣ Стрѣльской служатъ ей лучшимъ поощреніемъ и вѣрнымъ ручательствомъ будущихъ успѣховъ.

Театралъ.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ РАШЕЛЬ.

Докторъ Тампье подалъ въ Парижѣ занимательную и любопытную брошюру подъ названіемъ: *Les derniers moments de Rachel*. Вотъ нѣкоторые выписки изъ этой брошюры, которые вѣроятно не безъ удовольствія прочтутъ почитатели великой артистки. «Я былъ свидѣтелемъ смерти Рашель, говоритъ докторъ Тампье, и хочу посвятить нѣсколько словъ ея послѣднимъ минутамъ. Быть можетъ, нѣкоторые найдутъ въ моемъ разсказѣ слишкомъ много удивленія къ покойной артисткѣ, но смерть Рашель, какъ и ея артистическая жизнь, была достойна удивленія.

Я былъ признанъ къ Рашель телеграфической депешой 31 декабря прошлаго года. На другой день новаго года пріѣхалъ въ Кане, куда уже до меня прибылъ почтенный мой собратъ докторъ В..... Рашель занимала часть прелестной виллы г. Сарду. Живописная окрестность, благоухающій воздухъ; Италія по ту сторону Варскихъ горъ, съ своимъ лазурнымъ небомъ и весеннимъ солнцемъ въ январѣ мѣсяцѣ, все соединилось около больной, но климатъ, также какъ и медицина, не могутъ дѣлать чудесъ; когда я пріѣхалъ на виллу Сарду, не было уже надежды на выздоровленіе Рашель. Друзья артистки не старались утѣшать себя пустыми мечтами, сама же больная была совершенно спокойна. Два или три года тому назадъ она стала предчувствовать свою близкую смерть; ничто не могло разсѣять ее отъ этой *idée fixe*, которая, однако, нѣсколько не пугала ее. Рашель видѣла въ жизни драму, а въ смерти развязку; вездѣ въ ней была видна артистка—въ городѣ, на дачѣ, на смертной постели, на театрѣ. Рашель была фаталистка,—вотъ одна изъ ея слабыхъ сторонъ. Ея возвышенному уму были доступны самые ничтожные предразсудки; но у кого же ихъ нѣтъ! оттого она такъ равно-

душно переносила свою болѣзнь, и даже пренебрегала бы самыми необходимыми пособіями, еслибъ не просьбы сестры ея Сары, которая заботилась о сестрѣ какъ мать о любимомъ ребенкѣ. Приѣхавъ въ Кане, я понялъ, что долженъ присутствовать при послѣдней агоніи. Я не могъ безъ горя смотрѣть на эту женщину, окруженную такой славой, умирающую въ тридцать-восемь лѣтъ, въ полной памяти. Многіе писатели описывали жизнь Рашель, ея первые шаги на драматической карьерѣ, ея славу и торжество. Въ то время, какъ талантъ едва проявляется у другихъ, гениальная артистка уже заняла первое мѣсто на сценѣ. Молодая дѣвушка явилась на театрѣ не дебютанткой, а царицей; восемнадцать лѣтъ сряду она безраздѣльно властвовала на сценѣ, не зная сопорницъ, всегда вѣрная своему призванію. Вся Европа завидовала намъ въ обладаніи такою артисткой, столицы оснаживали ее другъ у друга, монархи осыпали ее подарками, безчисленная толпа поклонниковъ бросала къ ногамъ ея цвѣты и золото. И эта женщина, идолъ столькихъ народовъ, умираетъ въ моихъ глазахъ и я не могу ей помочь, спасти ее; наука безсильна передъ грознымъ величіемъ смерти!

Когда я увидѣлъ Рашель, она была тѣнью прежней Рашель. Довольно уже сильная чахотка была въ третьемъ и послѣднемъ градусѣ. Лицо великой артистки почти не отличалось отъ бѣлой подушки, на которой она отдыхала; голосъ былъ слабъ, дыханіе прерывисто; вся жизнь какъ бы сосредоточилась въ черныхъ блестящихъ глазахъ. Кстати приведу здѣсь въ примѣръ другимъ одну вредную привычку покойной Рашель, усилившую болѣзнь. Чегобъ избавиться отъ бессонницы, Рашель уже давно принимала на ночь лауданумъ, сильное употребленіе котораго можетъ причинить смерть. Много бессонныхъ ночей провела знаменитая артистка, изучая свое любимое искусство и создавая роли, которыя ее прославили; а извѣстно, что чрезмѣрные занятія, также какъ и сценическія волненія, прогоняють сонъ. Рашель, желая отдохнуть, прибѣгла къ наркотическимъ средствамъ, игралъ жизнь, здоровьемъ, жертвуя всѣмъ для славы.

Рашель умерла на другой день моего приѣзда, т. е. 3 января, въ 11 часовъ вечера. Я все время провелъ у ея постели, наблюдая за послѣдними страданіями угасающей жизни и внимательно слѣдя за ходомъ агоніи; я видѣлъ, какъ смерть овладѣвала постепенно женщиной, которой удивлялась вся Европа, которая своимъ гениемъ воскресила великія творенія Расина, Корнеля, Вольтера.

Рашель встрѣтила меня ласковой улыбкой и дружескимъ пожатіемъ руки. Умирая, она простилась со мной и со всѣми друзьями, которые собрались у ея смертнаго одра, и, будучи не въ силахъ говорить, послала намъ послѣдній взглядъ. Не знаю частной жизни Рашель; она стояла слишкомъ высоко, чтобы не возбудить зависти и клеветы, но могу смѣло подтвердить: Рашель умерла какъ великая и благородная женщина.

Какая сильная душа была въ этомъ слабомъ тѣлѣ даже прежде болѣзни. Рашель сама хотѣла, чтобы вскрыли ея трупъ и перевезли ея останки въ Парижъ. Умирая, она

ничего не забыла, что касалось до ея самой, или ея семейства. Она приводила въ порядокъ свои дѣла не какъ умирающая, а какъ будто собираясь въ дальній путь. Въ ночь со 2 на 3 января больная стала диктовать свою послѣднюю волю, но должна была остановиться отъ сильнаго разслабленія; 3 января, въ 9 часовъ утра сдѣлался съ ней припадокъ. Только-что кризисъ миновалъ, Рашель снова принялась за диктовку, начатую ночью, съ того мѣста, гдѣ остановилась, перечитала написанное со вниманіемъ, поправила нѣкоторые пункты и, съ трудомъ приподнявшись, написала свое завѣщаніе. Потомъ стала разлаживать присутствующимъ разныя вещи на память; съ удивительнымъ тактомъ она угадывала, какой подарокъ былъ пріятнѣе каждому.

Сколько раздирательныхъ сценъ у смертнаго одра великой артистки, которая такъ спокойно ожидала смерти! Въ 10 часовъ новый сильнѣйшій припадокъ. Цѣлый часъ мучилась больная, потомъ глаза ея закрылись, страшная блѣдность покрыла лицо, голова упала на грудь: Сара въ испугѣ зоветъ сестру, умоляя отвѣчать ей; прислушивается къ біенію, между тѣмъ какъ я свидетельствую пульсъ, который такъ слабо бьется, что едва можно слышать его удары, послѣднее сотрясеніе угасающей жизни! Роза, преданная, добрая, неугомонная служанка Рашель съ громкимъ рыданіемъ падаетъ на колѣни передъ кроватью своей госпожи, а лицо Рашель по-прежнему спокойно, улыбка играетъ на блѣдныхъ губахъ.

Въ эту минуту нѣсколько единовѣрцевъ знаменитой артистки, послѣдно призванные изъ Ниццы Сарою, входятъ въ комнату умирающей и начинаютъ пѣть на еврейскомъ языкѣ предсмертные гимны. Трудно описать, какое тягостное впечатлѣніе производило это погребальное пѣніе, въ мрачной комнатѣ, слабо освѣщенной лампой, по-временамъ прерываемое рыданіями семейства умирающей; а она все лежитъ, блѣдная, неподвижная, бездыханная. Но вотъ Рашель какъ бы просыпается отъ тихаго сна, съ трудомъ приподнимается вѣки, руки ея складываются; первый взглядъ ея съ нѣжной благодарностью обращенъ къ сестрѣ, которая посреди горя и заботъ не забыла призвать къ ея смертному одру Божіе благословеніе. Затѣмъ умирающая тихо читаетъ молитвы и съ благословеніемъ внимаетъ пѣнію своихъ единовѣрцевъ. Въ эту минуту лицо Рашель озарилось необыкновенной красотой, въ глазахъ блеснула неземная радость: она какъ бы проснулась для вѣчной жизни; посреди племени святаго Иерусалима.

Это пробужденіе было послѣднимъ лучемъ угасающаго племени, послѣднее прощаніе съ тѣлною жизнью на краю могилы. Черезъ нѣсколько минутъ, безъ борьбы, усилий и страданій, Рашель отдала свою душу Богу...

Оканчивая мой рассказъ, приведу еще два случая, произведшіе сильное впечатлѣніе на воображеніе народа, любящаго окружать нѣкоторыхъ умершихъ необыкновенными обстоятельствами.

Въ то время, какъ Рашель кончалась, вдругъ сильный дождь застучалъ въ окна комнаты усопшей, хотя до тѣхъ поръ погода была прекрасная. По указаніямъ науки замѣчено, что приближеніе водяныхъ метеоровъ можетъ ус-

корить послѣдніе часы умирающаго и такимъ образомъ предсмертная агонія можетъ совпадать съ переменой погоды; но Евреи иначе объясняютъ это, простое въ сущности, явленіе. Въ глазахъ народа, неповѣдующаго свою вѣру, такое сближеніе означаетъ плачь ангеловъ и принятіе ими въ свой кругъ души умершаго.

Во время кончины Рашель, жители Кане замѣтили пламя надъ виллою Сарду; Рашель сдѣлалась идоломъ страны и потому сохранили, думая, что горитъ обожаемая ими артистка, сбѣжались къ дому, чтобъ погасить пожаръ, но ничего подобнаго не было замѣтно; имъ говорятъ только, что великая Рашель умерла. Огорченные жители Кане рѣшили, что пламя это означало душу артистки, улетѣвшую на небо. Со-временемъ это повѣрье еще сильнѣе утвердилось и сдѣлалось вѣроятіемъ мѣстной легендой.

Къ счастью, слава Рашели не нуждается въ народныхъ повѣрьяхъ для будущихъ поколѣній. До тѣхъ поръ, пока драматическое искусство, возникшее вмѣстѣ съ цивилизаціей народовъ, не угаснетъ на землѣ, гдѣ все скоро проходить, въ памяти людей надолго сохраняются два имени, соединенныя огненнымъ могилкой: Рашель и Тальма!

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПѢВНИЦЫ.

Г-жа Биллингтонъ (Mistriss Billington).

(Окончаніе.)

Въ 1794 году, мистрисъ Биллингтонъ дебютировала на театрѣ *Санъ-Карло* въ парочку для нея сочиненной оперѣ: *Инесъ ди Кастро*, и съ перваго своего дебюта сдѣлалась идоломъ неаполитанской публики. Слѣдующія ея роли еще болѣе выказали многосторонній талантъ прелестной пѣвицы. Репертуаръ ея былъ въ самомъ дѣлѣ обширенъ и разнообразенъ. Лучшія произведенія Пиччини, Саккини, Чимарозы, были равно доступны мистрисъ Биллингтонъ; каждой своей роли она умѣла придать особенный отбѣнокъ.

Пребываніе лондонской пѣвицы въ Неаполѣ было самымъ блестящимъ временемъ ея карьеры. Природная задушевность и склонность къ усиленно придавали голосу пѣвицы мечтательную прелесть и невыразимое обаяніе.

Мистрисъ Биллингтонъ продолжала возбуждать восторгъ на театрѣ *Санъ-Карло*, когда одинъ несчастный и непрелюдливый случай еще болѣе обратилъ на нее общее любопытство. Биллингтонъ, послѣдовавшій за женой въ Италію, былъ найденъ мертвою въ своей постели. Врачь, призванный изслѣдовать умершаго, объявилъ, что мужъ знаменитой пѣвицы умеръ отъ апоплексическаго удара послѣ немнѣннхъ возпійій вина за шумнымъ обѣдомъ. Но это объясненіе, — очень правдоподобное, судя по гастрономическимъ привычкамъ покойнаго, — не было принято многими недоброжелательными людьми, которые всегда въ самомъ простомъ случаѣ готовы найти что-нибудь ужасное и таинственное. Нѣкоторые англійскіе журналисты импровизировали на эту тему множество разсказовъ, одинъ другаго пелѣе, но возбуждившихъ любопытство праздныхъ умовъ. Говори-

ли, напримѣръ, о ночномъ нападеніи, кровавой драмѣ, въ которой ладъ и кинжалъ играли главную роль. Предполагали, что Биллингтонъ палъ отъ руки одного изъ многочисленныхъ поклонниковъ его жены. Разсказывали семейныя сцены, вымышленныя, или нѣтъ, гдѣ мужъ явился безжалостнымъ, ревнивымъ тираномъ, и прибавляли, что одинъ богатый вельможа, очарованный красотою знаменитой пѣвицы, хотѣлъ доказать ей свою страсть, избавивъ отъ ненавистнаго ига. Такіе слухи распространились въ обществѣ и казались вѣроятными по своей романтической обстановкѣ. Не станемъ здѣсь повѣрять точность этихъ слуховъ. Какъ бы то ни было, мистрисъ Биллингтонъ была глубоко огорчена смертію человека, заботившагося о ея драматической карьерѣ и доставившаго ей возможность прославиться. Когда черезъ мѣсяць мистрисъ Биллингтонъ появилась снова на сценѣ *Санъ-Карло*, она была еще блѣдна, измучена и видимо не оправилась отъ страданій. Печаль и блѣдность еще болѣе возвышали ея красоту.

Въ 1796 году, мистрисъ Биллингтонъ отправилась въ Венецію, куда уже дошелъ слухъ о ея успѣхѣ на театрѣ *Санъ-Карло* пѣвицу приняли съ энтузіазмомъ. Но подъ вліяніемъ тягостныхъ ощущеній Биллингтонъ послѣ перваго дебюта, опасно захворала и венеціанскіе дипломаты лишились удовольствія слышать знаменитую пѣвицу. Доктора совѣтовали пѣвицѣ отказаться на время отъ театра и, оставивъ Венецію, воздухъ которой былъ нездоровъ для больной, отправиться путешествовать и искать разсѣянія, чтобъ избавиться отъ тяжкихъ воспоминаній. Биллингтонъ послѣдовала этому совѣту; не смотря на то, что хотѣла выѣхать изъ города тайно, она невзбѣгла шумныхъ проводовъ, которыми молодые Венеціанцы хотѣли доказать свое удивленіе ея таланту. Мистрисъ Биллингтонъ остановилась не надолго въ Римѣ. Она хотѣла подробнѣе пзучить музыкальное искусство въ Италіи.

Талантливая пѣвица выбрала самое удобное время для своей поѣздки. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Пиррейскій полуостровъ представлялъ въ отношеніи искусствъ обширное поле для внимательнаго наблюдателя. Беккарія и Филанджери распространили область нравственныхъ и историческихъ наукъ; пламенный и впечатлительный Альфьери расширилъ предѣлы поэзіи и драмы; Уго Фосколо и Монти преобразовали литературу новыми произведеніями, полными жизни и оригинальности. Канова, взявъ за образецъ великій стиль древности, усовершенствовала скульптуру. Также дѣятельность обнаружилась и въ музыкальномъ мірѣ. Возрожденіе музыкальнаго искусства, начатое Пиччини и Саккини, продолжалось съ такимъ же успѣхомъ и терпѣніемъ Чимарозой, Цингарелли, Паромъ, Керубини: подъ вліяніемъ этихъ композиторовъ итальянскія сцены совершенно переродились; образовалась новая школа пѣвцовъ, которые, отбросивъ рутину, старались придавать лирической драмѣ болѣе дѣйствія и игры.

Благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ, мистрисъ Биллингтонъ удивительно воспользовалась этимъ преобразованиемъ искусства. Произведенія новыхъ мастеровъ, обогатившія сцену, сдѣлались ей скоро знакомы. Въ продолженіи двухъ

лѣтъ г-жа Биллингтонъ слѣдила съ большимъ вниманіемъ за представленіями миланскаго театра ла Скала и театра *Pergola*, во Флоренціи, и такимъ образомъ изучила стиль и манеру величайшихъ артистовъ Италіи.

По возвращеніи въ Англію, мистрисъ Биллингтонъ, изучившая всѣ таинства искусства въ классической странѣ музыки, была въ полной силѣ своего таланта.

Директоры Дрюриленскаго и Ковентгарденскаго театра оспаривали другъ у друга честь имѣть ее въ своей труппѣ и предложили ей баснословныя суммы. Знаменитая пѣвица сначала колебалась принять эти предложенія, но, по настоятельнымъ просьбамъ директоровъ, она рѣшилась удовлетворить обоихъ импресарио и пѣть попеременно на обоихъ театрахъ. Съ перваго появленія Биллингтонъ возбуждала фанатическій восторгъ; самыя важныя роли новѣйшаго репертуара выставили въ самомъ яркомъ свѣтѣ ея талантъ, усовершенствованный школой великихъ итальянскихъ маэстро.

Особенно большою фуроръ произвела прекрасная пѣвица въ *Артаксерксѣ*, оперѣ доктора Ариа; тутъ двойнѣ торжествовала національная гордость британцевъ, слушая англійскую пѣвицу и англійское произведеніе; успѣхъ мистрисъ Биллингтонъ былъ неслыханный въ лѣтоисеяхъ англійскій сцены.

Докторъ Ариа, о которомъ мы уже говорили, считался безспорно лучшимъ англійскимъ композиторомъ во второй половинѣ послѣдняго столѣтія; однако произведенія его не отличаются ни оригинальностью, ни новизной, ни изобиліемъ мелодій: въ его изящномъ стилѣ нѣтъ ничего поразительнаго или страстнаго. Не смотря на то англійскіе дилетанты беззастѣнчиво сравнивали его съ Гёте, — смѣшное тщеславіе, которое не одобрилъ самъ докторъ Ариа. Кромѣ множества мелодій и концертныхъ піесъ, Ариа написалъ нѣсколько ораторій и оперъ, превознесенныхъ тогда до небесъ, а теперь почти забытыхъ. Своимъ мимолетнымъ успѣхомъ докторъ Ариа все-таки обязанъ мистрисъ Биллингтонъ. Благодаря знаменитой пѣвицѣ, *Артаксерксъ* произвелъ фуроръ. Но что стало съ *Артаксерксомъ*?—что всегда бываетъ съ произведеніями, въ которыхъ недостаетъ творческаго огня. Въ 1800 году, Банти, о которой мы уже писали, пріѣхала въ Лондонъ, прославившись на всѣхъ итальянскихъ сценахъ. Она дебютировала въ *Меропѣ*, Пазоллини; мистрисъ Биллингтонъ занимала роль Меропы. Соединеніе этихъ двухъ талантовъ возбуждало общее любопытство; Банти славилась удивительною методой и обширной вокализацией; мистрисъ Биллингтонъ присоединяла къ этимъ достоинствамъ драматическое чувство, выразительную мимику, восхитительную красоту, и скоро затмила свою молодую соперницу.

Пріѣздъ въ Лондонъ г-жи Мара, въ 1802 году, произвелъ еще болѣе занимательную борьбу. На этотъ разъ обѣ великія пѣвицы вступили на ристалище безъ злобы и совершенно помирились. Пятнадцать представленій сряду публика тѣшилась въ залѣ Ковентгарденскаго театра, но не могла рѣшить, которая изъ двухъ одержала побѣду.

Знаменитость мистрисъ Биллингтонъ возрастала каж-

дый день; всѣ театры, всѣ вокальныя общества не могли обойтись безъ содѣйствій ея таланта, и шесть лѣтъ сряду она попеременно являлась въ итальянской оперѣ, въ придворныхъ концертахъ, на музыкальных вечерахъ Гановерскаго и во многихъ частныхъ концертахъ.

Всегда принимаемая съ восторгомъ, знаменитая пѣвица могла рассчитывать на долгую и славную карьеру. Но мечтательный и грустный характеръ мистрисъ Биллингтонъ не допускалъ ее наслаждаться своею славой. Часто посреди самыхъ великолѣпныхъ триумфовъ, горькія мысли тревожили ее и она долго грустила. Здоровье прекрасной артистки стало замѣтно слабѣть и она рѣшилась въ 1809 г. оставить сцену. Для прощанія съ публикой мистрисъ Биллингтонъ назначила благотворительный концертъ въ пользу немущихъ Вайтгала; сборъ составилъ баснословную сумму.

Хотя мистрисъ Биллингтонъ отличалась необыкновенною щедростью, но, оставя театръ, пользовалась значительнымъ состояніемъ, изъ котораго одна часть была употреблена ею на покупку превосходнаго помѣстья въ окрестностяхъ Цепополя; въ этомъ уединеніи она умерла въ 1818 году.

Немногія изъ пѣвицъ такъ прославились въ лѣтоисеяхъ музыкальнаго міра. При жизни, мистрисъ Биллингтонъ возбуждала удивленіе своихъ соотечественниковъ и всей Европы, и въ продолженіе сорока лѣтъ, потеря превосходной пѣвицы осталась незамѣнимой для лондонской сцены.

ГЕРЦОГЪ-ГИТАРИСТЪ.

Герцогъ Максимиліанъ Баварскій считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ гитаристовъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно проводитъ все время за городомъ и нѣ старомъ плати прогуливается по горамъ съ своимъ любимымъ инструментомъ. Осенью, прошлаго года, въ одну изъ такихъ прогулокъ, герцогъ расположился подъ деревомъ и началъ играть на гитарѣ, думая, что совершенно одинъ, но нѣкоторые поселяне, проходившіе мимо, остановились недалеко отъ него и слушали съ большимъ восхищеніемъ игру виртуоза. Когда герцогъ кончилъ играть и хотѣлъ идти далѣе, одинъ изъ крестьянъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Послушай-ка, землякъ, ты славно играешь на гитарѣ, пойдемъ съ нами въ трактиръ, вотъ что вилѣется направо. Сыграй намъ два или три танца, за это мы тебя попотчуетъ пивомъ сколько душѣ угодно...

— Чинъ я не хочу, отвѣчалъ августѣйшій артистъ, по пяти съ вами готовъ.

Крестьяне проводили его до трактира; хозяинъ корчмы тотчасъ же узналъ герцога, но послѣдній сдѣлалъ ему незамѣтный знакъ—не нарушать его инкогнито. Затѣмъ Максимиліанъ Баварскій началъ играть какой то танецъ, потомъ другой, третій и т. д.; поселяне не могли досыта наслушаться. Пронравъ цѣлый часъ, герцогъ наконецъ всталъ, и подѣ предлогомъ, что очень далеко идти домой, хотѣлъ удалиться, но поселяне удержали его.

— Сыграй намъ, братецъ, вальсъ герцога Максимилиана: онъ лучше всѣхъ другихъ; мы дадимъ тебѣ за это двадцать четыре крейцера,—только общай намъ непремѣнно придти сюда въ слѣдующее воскресенье.

Герцогъ обѣщалъ, положилъ деньги въ карманъ и сыгралъ требуемый вальсъ. Поселяне аплодировали изо всей силы и отпустили его наконецъ домой. Только что герцогъ Максимилианъ удалился, хозяинъ трактира сказалъ любителямъ танцевать.

— Ахъ вы, дураки, дураки! Да знаете ли кто этотъ господинъ, который такъ дружески съ вами обошелся. Самъ герцогъ Максимилианъ! Развѣ вы не слыхали, что лучше его никто не играетъ на гитарѣ въ нашихъ городахъ?..

Крестьяне разинули рты отъ удивленія. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Надобно догнать герцога и попросить у него прощенія.

Скоро они догнали герцога и умоляли простить ихъ дерзкій поступокъ.

— Вы мнѣ больше доставили удовольствія, чѣмъ я вамъ, отвѣчалъ со смѣхомъ герцогъ; обѣщаю непремѣнно придти въ трактиръ въ будущее воскресенье и стану вамъ играть самые веселые танцы; однако если вы думаете, что я отдамъ назадъ ваши двадцать-четыре крейцера, то очень ошибаетесь, друзья мои; деньги ваши я оставлю у себя:—это еще первая плата, которую я заслужилъ за свою игру!

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВЪСТУПЕНІЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ГОРОДОВЪ РОССИИ.

О появленіи г. Шумскаго на харьковскомъ театрѣ мы уже говорили въ свое время. Вотъ что пишутъ его бенефисъ: Артистъ выбралъ для своего бенефиса *Свадьбу Кречинскаго* и водевиль *Радъ не радъ, а дѣлать нечего*. Игра Шумскаго (Кречинскій) отличалась удивительною обдуманностію, ровностію и выдержанностію всей роли. Надобно имѣть гибкій талантъ г. Шумскаго, чтобы представить этотъ характеръ съ равною отчетливостію. Но лучше всего показался онъ намъ въ трудной сценѣ третьяго акта, гдѣ онъ умѣетъ найти въ себѣ *высокіе тоны оскорбленной чести*, когда въ душѣ его бѣтъ и тѣни ея. Артистическою своею игрою г. Шумскій дополнилъ то, что было не совсѣмъ ясно или не вполне отчетливо у автора. Мы съ гордостію можемъ сказать, что въ даровитомъ артистѣ нашей сцены, Васильевѣ, г. Шумскій встрѣтилъ достойнаго собрата по искусству. Оригинальная личность негодяя Расплюева мѣтко схвачена г. Васильевымъ. Удачно онъ умѣлъ отгнѣить въ этой личности простодушіе и наивность; жалокъ онъ былъ во 2-мъ дѣйствіи, когда остается наединѣ съ самимъ собою и грустно-комическимъ тономъ жалуется на несчастную судьбу свою, и еще жалче въ столкновеніи съ лакеемъ Кречинскаго, котораго молитъ выпустить его ради семьи голодной. Прекрасно передана была имъ радость при видѣ пакки кредитныхъ билетовъ, и съ какою жадностію и любовью занимался онъ повѣркою денегъ. Недостатки игры г. Васильева—это излишняя подвижность и не всегда удачная мимика, доводимая нѣкъ до

излишества. Къ сожалѣнію, роль добродушнаго старика Муромскаго г. Печаяевъ исполнилъ довольно слабо и эгизмъ помышлялъ строинному ходу піесы.

О женскихъ роляхъ скажемъ пемного, потому что въ этой піесѣ онѣ мало развиты. Г-жѣ Ладина очень вѣрно передала роль тетки невѣсты Кречинскаго, женщины суетной и довольно пустой; г-жа Боброва удачно представила молоденькую добрую дѣвушку съ сердцемъ нѣжнымъ и не опытнымъ, а такую и должна быть дочь Муромскаго.

Водевилъ: *Радъ не радъ, а дѣлать нечего*, прошелъ ровно и дружно. Неподражаемъ былъ г. Шумскій въ роли чудака барона Кроликава и серьезнымъ комизмомъ возбуждалъ гомерическій смѣхъ. Что за удивительная, тонкая игра! Артисты: всѣ были на своихъ мѣстахъ и игрою своею вторили г. Шумскому.

Въ Одессѣ, послѣ Успенскаго поста, русскіе спектакли открылись драмою: *Мачиха и падчерица*. Г. Толченковъ и г-жа Прогасова играли роли свои съ увлеченіемъ, съ чувствомъ и съ большимъ выраженіемъ, чѣмъ вполне заслужили одобрѣніе публики. Г. Протасовъ, въ своей небольшой роли барона, былъ типически вѣрнымъ снимкомъ съ тѣхъ нѣпителей искусства, которые достоинство оцѣняемаго измѣряютъ не качествомъ, а количествомъ. Вообще русская труппа заслуживаетъ большаго сочувствія и большаго числа зрителей. По выздоровленіи г. Зверева готовится новая комедія Львова: *Предубѣжденіе*.

Неутомимые импрессаріо итальянской оперы, не имѣя средствъ удовлетворить вкусу публики качествомъ музыки, стараются наполнить театръ частою переменою оперъ и давали новую оперу: *Еврей*, какого-то г. Аполлини, имя котораго мало извѣстно въ музыкальномъ мірѣ. Сюжетъ взятъ изъ романа Бульвера: *Лилла, или осада Гренады*. Музыка вяла и безцвѣтна, составляетъ какъ бы безконечно длинную *retinitence* чего-то слышаннаго и переслушаннаго; оркестровка, не будучи эффектною, чрезвычайно шумна и однообразна. Гг. Марро и Поццоллини и г-жа Поцци одни спасли эту оперу отъ полнаго и заслуженнаго паденія.

На-дняхъ готовится къ постановкѣ *Луиза Миллеръ*, опера, которая пользовалась въ Одессѣ большимъ успѣхомъ: правда, что она была исполняема такими артистами, какъ г-жа Тереза Брамбилла и гг. Ронкони и Поденъ.

Въ это же время въ Одессѣ были концерты скрипача Гюбша. Артистъ этотъ—воспитанникъ пражской консерваторіи, а въ настоящее время директоръ лескаго оркестра, далъ въ Одессѣ 4 концерта и имѣлъ полный успѣхъ.

Не смотря на то, что механизмъ г. Гюбша развитъ въ высшей степени, онъ не старается показывать фокусы на своемъ инструментѣ; напротивъ того, въ игрѣ его слышится много чувства, много выраженія; послѣдній концертъ его былъ составленъ съ замѣчательнымъ вкусомъ въ выборѣ піесъ; больше всего понравилась фантазія на мотивы изъ оперы *Линда-ди-Шамуни*—Алара, въ особенности адажію этой фантазіи. Г. Гюбшъ намѣренъ быть опять въ Одессѣ и въ будущемъ году. Артисты съ такимъ талантомъ всегда найдутъ прекрасный пріемъ и слушателей въ гостепріимной Россіи.

Осенний сезонъ въ Ригѣ открылся во вновь отдѣланномъ театрѣ. Надобно отдать справедливость директору театра г. Витте,—онъ съ большимъ вкусомъ убралъ театральную залу. Партеръ увеличенъ, стѣны оклеены разноцвѣтными обоями, бронзовыя украшенія на ложахъ; освѣщеніе также значительно увеличено; занавѣсъ выкрашенъ, многія декорации вновь написаны, даже суфлерская будка подновлена и исправлена въ акустическомъ отношеніи. Труппа также увеличилась нѣкоторыми талантливыми актерами, изъ которыхъ назовемъ г-жъ Шубертъ и Эйхенвальдъ; гг. Эйхенвальда, Гейсенберга и Бентака. Первое представленіе состояло изъ комедій: *Hans und Hanne*, Фридриха: *Gänschen von Buchenau* того же автора и *die Familie Flieder Müller* Шнейлера. Г-жи Шубертъ и Эйхенвальдъ прекрасныя водевильныя актрисы; послѣдняя даже хороша въ комедіяхъ и даже въ легкихъ драмахъ. Г. Эйхенвальдъ очень хорошій комикъ и своей игрой много напоминаетъ нашего Брюннга.—Опера также идетъ очень удачно на рижской сценѣ; главные актеры труппы, г-жа Цинларферъ и г. Лейгнеръ, очень хорошіе пѣвцы. Кромѣ нихъ было нѣсколько дебютовъ:—такъ въ оперѣ Донизети: *Велизарій*, въ роли Антонины дебютировала г-жа Эльбе и очень понравилась; голосъ ея меццо-сопрано, звучный и гибкій, искусная метода и много драматической игры. Въ роли Велизарія явился также новый дебютантъ, баритонъ Филиппи; сначала онъ какъ будто смѣшался и голосъ его немного дрожалъ, за то уже въ финалѣ перваго акта богатая сила его симпатическаго голоса вполне обнаружилась. Г. Винтеръ, теноръ, съ дѣтскою партию удовлетворительно, хотя одна часть публики аплодировала, а другая никакъ. Все же г. Винтеръ довольно хорошій пѣвецъ, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ, и вовсе не заслуживаетъ такого строгаго приѣма. Г. Лейгнеръ хорошо пропѣлъ небольшую партию Юстиниана. Г-жа Гофманъ очень мило и непринужденно исполнила роль Прены; вообще опера прошла съ большимъ ансанблемъ; хоры были также исправны.—Для продолженія дебютовъ г-жи Шубертъ и г. Эйхенвальда давали: *Doctor und Friseur*, *Alle sind verheirathet* и др.; въ антрактахъ танцевала очень граціозна танцовщица, г-жа Пахтигаль.—Въ день коронаціи Государя Императора, спектакль начался народнымъ гимномъ: *Боже Царя храни!*, профѣгнымъ всѣмъ членами труппы; затѣмъ слѣдовали третій актъ *Лукреція Борджіа*, второй актъ *Фрейшюца* и отрывки изъ *Пророка*. Цинларферъ, прелестная пѣвица съ серебристымъ голосомъ и хорошая актриса, какъ, нельзя лучше выполнила роли: *Алаты* и *Берты*. Эта пѣвица по-справедливости можетъ назваться украшеніемъ рижской оперной труппы.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ прошедшемъ номерѣ Вѣстника мы сообщили нашимъ читателямъ о дебютѣ г-жи Катерины Фридбергъ на театрѣ парижской Большой Оперы. Дебютъ молодой танцовщицы увѣнчался блестящимъ успѣхомъ:—всѣ парижскія газеты

наполнены похвалами г-жѣ Фридбергъ; въ доказательство приведемъ мнѣніе нѣкоторыхъ фельетонистовъ о нашей соотечественницѣ, мнѣніе, вполне согласное съ нашимъ, въ особенности въ отношеніи мимики прелестной танцовщицы. Вотъ что пишутъ о ней въ *Messenger*: «г-жа Фридбергъ одна изъ самыхъ хорошихъ танцовщицъ; высокая, стройная, гибкая, съ выразительными голубыми глазами, и густыми бѣлокурыми волосами; руки ея очень хороши, походка восхитительна. Она хорошо танцуетъ и еще лучше играетъ. Г-жа Фридбергъ вполне выказала превосходную свою мимику въ балетѣ *Соннамбула*, въ которомъ дебютировала у насъ въ Парижѣ; особенно произвела она большое впечатлѣніе въ драматической сценѣ третьяго акта, когда невѣста-лунатикъ является на крышѣ дома. Розати, занимавшая прежде эту роль, никогда не рѣшалась совершить такой подвигъ; ее замѣняла фигурантка, одѣтая такъ же какъ она. Жаль, что г-жа Фридбергъ уѣзжаетъ скоро въ Россію, гдѣ, какъ и въ Лондонѣ, имѣла большой успѣхъ».—«Кстати, заговоривъ о славѣ и объ артистахъ, пишутъ въ *Bulletin des tribunaux*, нельзя умолчать о новой дебютанткѣ. Г-жа Фридбергъ выбрала очень трудную роль изъ балетнаго репертуара, и должно отдать ей справедливость, выдержала ее вполне. Въ роли *Соннамбулы* больше игры нежели танцевъ и тутъ-то г-жа Фридбергъ выказала свою превосходную мимику, она была поперемѣнно павва, кокетлива, пѣжна и трогательна. Большая сцена втораго и предпослѣдняя третьяго акта были переданы русской танцовщицей въ совершенствѣ».—«Вотъ еще новое украшеніе для нашей Оперы, говоритъ Фіорентинно, критикъ газеты *Constitutionnel*; молодая русская танцовщица не уступаетъ, если не превосходитъ нашу знаменитую Розати! Правда, что дебютантка,—ученица Госселена. Г-жа Фридбергъ молода, граціозна, хороша; она танцуетъ легко, непринужденно, отчетливо, лучше всего ея мимика; лицо ея выражаетъ всѣ чувства ласки всякихъ словъ. Взявъ роль Розати, Фридбергъ исполнила ее по-своему, à sa façon, и выказала много ума, такту и искусства». Вотъ отзывы о нашей милой танцовщицѣ, которая имѣла заслуженный успѣхъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Кромѣ Фридбергъ еще двѣ изъ нашихъ знакомыхъ артистокъ находятся на-время въ Парижѣ. Мы говоримъ о г-жахъ Бозіо и Демерикъ-Лабланшъ. Последняя принимала участіе въ бенефисѣ тенора Роже. Бенефисъ перваго парижскаго тенора былъ составленъ необыкновенно занимательно и отличался соединеніемъ многихъ знаменитыхъ талантовъ. Шелъ *Трубадуръ*; роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Ленора — г-жа Юганъ; Асучена — г-жа Демерикъ-Лабланшъ; Манрико—Роже; графъ де Луна—Боннеге. Имена этихъ артистовъ довольно ручаются за превосходное исполненіе. Г-жа де-Мерикъ имѣла большой успѣхъ. Въ особенности она обратила на себя вниманіе какъ актриса, ея драматическая игра произвела на публику сильное впечатлѣніе. Журналы выхваляютъ тоже ея голосъ и въ особенности методу, порицая только слишкомъ рѣзкое и непріятное произношеніе буквы *p*. Г-жу Лабланшъ де-Мерикъ единогласно вызвали нѣсколько разъ. Въ танцахъ явились: Розати и Зина Ришаръ. Г-жа Ришаръ предстала передъ парижской

публикой въ первый разъ по возвращеніи изъ Лондона, гдѣ имѣла такой огромный успѣхъ; она была встрѣчена громкими, продолжительными рукоплесканіями, т. е. была встрѣчена какъ любимица. Она протанцовала весьма трудное па съ г. Мерапомъ и восторгъ публики еще увеличился. Теперь, знаменитость нашей соотечественницы упрочена навсегда (каково наши русскіе?). Г-жа Розати,—эта звѣзда хореографическаго искусства явилась въ 1 дѣйствіи балета: «Жовита»—(Jovita). Шужо ли говорить объ ованіяхъ, которыхъ она была предметомъ!—и она танцевала въ первый разъ по возвращеніи изъ Лондона. Этотъ артистическій праздникъ, составленный съ большимъ искусствомъ, волюй удался и привлекъ многочисленную публику; театръ былъ наполненъ сверху до низу — Для парижской Большой Оперы готовится новая опера князя Понятовскаго; композиторъ кромѣ того прибавилъ къ *Дон-Дезидеріо* трио, которое будутъ пѣть зимой г-жа Пенко, Маріо и Корси. — Комическая труппа театра Bouffes Parisiens окончила свои странствованія. Собрать не мало аплодисментовъ и талеровъ въ Берлинѣ, артисты Оффенбаха поѣхали въ Эмсъ, а оттуда возвратились въ Парижъ. Спектакли на сценѣ Bouffes Parisiens открылись опереткой *les Dames de la Halle*, *Bruschino* и *les petits Prodiges*; всѣ эти оперы имѣли большой успѣхъ въ Берлинѣ. Изъ новыхъ ставитъ на сцену большую мифологическую оперу Оффенбаха: *Orphée aux enfers*, въ которой появятся вся труппа и *la Serva Padrona di Pergolese*, передѣланная для французской сцены Дефоржемъ и Бурлуа. Феррарисъ по-прежнему возбуждала громкія рукоплесканія въ новомъ балетѣ: *Сикунтала*, и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, кажется, хотѣла еще болѣе заставить Парижанъ жалеть о своемъ отсутствіи. Всякій разъ, когда танцевала Феррарисъ, театръ былъ полонъ до нель-зя; вотъ кетати анекдотъ, касающійся этой прелестной танцовщицы. Одинъ богатый иностранецъ, недавно пріѣхавшій въ Парижъ и горѣвшій петербургскимъ увидѣть волшебницу, отъ которой сходятъ съ ума Парижане, долго старался попасть въ театръ и не могъ. Съ трудомъ наконецъ доставъ ложу на *Сикунталу*, иностранецъ бережно прячетъ драгоценный билетъ въ портмоне, въ которомъ, между прочимъ, лежало 5 тысячъ фр. золотомъ и банковыми билетами. Съ небрежностью набоба иностранецъ кладетъ портмоне въ карманъ и отправляется гулять въ Эмсейскія поля; возвратясь домой, хочетъ вынуть портмоне, но его уже нѣтъ;—не даромъ парижскіе мамелики любятъ посѣщать гулянья. Иностранецъ тотчасъ ждетъ знать Дирекціи Оперы о пронажѣ билета и полиція пускается отыскивать вора. Ровно въ 7 часовъ двѣ дамы съ кавалеромъ являются въ театръ съ украденнымъ билетомъ. Господинъ отводитъ въ сторону и начинаютъ распрашивать; объ дамы, услышавъ допросъ, начинаютъ хохотать. Подозрѣваемый и есть самъ иностранецъ. За нѣсколько часовъ до представленія получилъ онъ билетъ на ложу по городской почтѣ, но только при слѣдующей запискѣ: «Вы, безъ сомнѣнія противъ воли, оказали мнѣ услугу, но я поступаю великодушно въ васъ. Я могъ бы лишитъ васъ удовольствія видѣть Феррарисъ въ новомъ балетѣ и однако отсылаю вамъ ло-

жу назадъ;— слѣдовательно, вы остаетесь моимъ должникомъ». Полиція тщательно отыскиваетъ великодушнаго вора. Говоря въ прошедшемъ номерѣ объ именинахъ императора Наполеона, мы забыли упомянуть, что въ этотъ праздникъ, въ церкви св. Сульпиція, пропѣтъ былъ гимнъ: *Domine salvum fac Imperatorem* и *Te Deum*, написанный Лесюеромъ по-случаю коронаціи Наполеона I.

Къ сожалѣнію, не можемъ ничего занимательнаго сказать о Германіи и потому перейдемъ къ Лондону, хотя и столица Великобританіи въ настоящее время представляетъ довольно грустный видъ. Лѣтній сезонъ окончился и всѣ итальянскіе соловьи разлѣтелись въ разные стороны. Нѣкоторые изъ нихъ отправились пѣть своимъ искусствомъ англійскія провинціи, другіе пріѣхали въ Парижъ. Мы уже назвали г-жу Еозіо; пѣвица Спеція также на-время въ Парижъ, равно и теноръ Гардонн. Маріо уѣхалъ во Флоренцію, Тамберникъ въ Бельгію, гдѣ и останется до отъѣзда своего въ Петербургъ. Лондонъ опустѣлъ и, послѣ шумнаго сезона снова обратился къ уединенной домашней жизни. Нѣкоторые пестые спортсмены развлекаются скачками, другіе въ своихъ помѣстьяхъ сокращаютъ осенніе дни охотой; немногіе же, оставшіеся въ Лондонѣ, слушаютъ, отъ нечего дѣлать, хоръ шведскихъ пѣвцовъ, которые въ живописныхъ костюмахъ своей родины распѣваютъ шведскія мелодіи передъ небольшимъ кружкомъ слушателей въ Сентъ-Джемсъ-Галлѣ. Они пѣли разъ въ Букингамскомъ дворцѣ у королевы. Знаменитый актеръ Карлъ Кинъ вмѣстѣ съ г. Доддомъ подали проектъ основанія убѣжища для драматическихъ актеровъ, которые по болѣзни или по бѣдности не могутъ болѣе служить театру. Планъ этотъ принятъ съ одобреніемъ; королева Викторія пожертвовала для благотворительнаго предпріятія 1000 ливровъ стерлинговъ; директоры театровъ—Лумлей и Гей, вмѣстѣ съ первыми артистами своей труппы, также прислали значительную сумму; по подпискѣ собрано уже болѣе ста тысячъ франковъ.

Въ Венеціи, на театрѣ Фениче, дана новая опера или, лучше сказать, комическая мелодрама: *Il matrimonio per concorso*, Феррари; не возбудивъ фурора, опера имѣла успѣхъ за немнѣгіемъ лучшаго; не мало поддержали мелодраму таланты г-жи Боккабадати, пѣвцовъ Кричелли и Цуккини.

Въ Неаполѣ опера въ самомъ бѣдственномъ состояніи: труппа плохая и нѣтъ новыхъ произведеній. Нѣсколько оперъ молодыхъ, начинающихъ композиторовъ встрѣчены были какъ ученическіе труды и ошканы. Только нѣкоторое вниманіе обратила здѣсь опера Мичели: *la Fidanziata*; хотя она и написана съ знаніемъ дѣла, но въ ней мало драматическаго дѣйствія. Чгобы хотя немного поддержать свою труппу, дирекція пригласила на зимній сезонъ знаменитую, по словамъ иностранныхъ газетъ, пѣвицу Санціони, которая будетъ дебютировать въ *Пророкъ*. Но будетъ ли лучше?—вотъ вопросъ! Вообще всѣ директоры театровъ жалуются на свои стѣпенныя обстоятельства, не исключая даже двухъ знаменитыхъ соперниковъ: Лумлей и Гей. Чго же остается послѣ того директорамъ кочующихъ труппъ?—а

ихъ чуть ли не больше на свѣтъ, чѣмъ постоянныхъ театровъ. Они бѣдствуютъ: въ доказательство приведемъ зѣсь письмо содержателя кочующей оперной и драматической труппы къ своему повѣренному въ Парижѣ: «Любезный другъ! Наконецъ мы прибыли въ провинцію. Путешествіе наше было пренепріятное, денегъ на поѣздки истрачено много, а убытку вышло еще больше. Многія изъ нашихъ вещей пріѣхали раньше, другіе позже насъ. Твой курьеръ привезъ намъ снѣгъ и градъ неповрежденными; вѣтры пріѣхали днемъ позже. Одинъ зефиръ потерялъ дорогой. По громъ весь лопнулъ и намъ пришлось спаявать совершенно испорченную молнію. Нашъ *divinités* всѣ благополучно пріѣхали и здравствуютъ, только маленькій амуръ что-то плохъ; у него сдѣлалась оспа. По сему случаю мы приняли оспу тремъ граціямъ и оставили ихъ въ сосѣдствѣ селѣ; за немнѣніемъ другой мебели отдали имъ одну стѣну картиной крѣпости, которая осталась отъ *Осады Гречиди*. Моря и рѣки я послалъ водой, чтобъ избѣжать лишнихъ издержекъ. Не забудь прислать новыя облака и новое солнце; все переломалось дорогой и приходится снова всѣмъ обзаводиться. Также непременно пришли намъ дремучій лѣсъ, нашъ сгорѣлъ; да еще маленькихъ пару рощицъ. Захвати съ собой когда поѣдешь къ намъ замокъ, готическій монастырь, мостикъ, А propos! закажи въ Парижѣ покрывки для лѣтатръ, нынѣшнія оперы поглощаютъ премного кожи. Въ ожиданіи тебя, любезный другъ, мы сидимъ зѣсь безъ декораций, безъ машинъ, безъ костюмовъ, нашъ же дорогой перепорченъ дождемъ, а главное безъ денегъ! Пріѣзжай скорѣй!»

Г-жа де Лагранжъ по возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу завела процессъ съ директоромъ театра Ульманомъ, не заплатившимъ пѣвицѣ большую часть слѣдуемой ей суммы.

Въ заключеніе приведемъ выписку изъ одной пѣсенкой газеты о продолженіи авторскихъ правъ въ различныхъ странахъ.—Въ Англіи литературная собственность принадлежитъ автору въ продолженіи 40 лѣтъ его жизни и пресѣкается черезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.—Въ Россіи право это сохраняется 25 лѣтъ, а по смерти сочинителя еще 10 лѣтъ, если въ послѣдніе 5 лѣтъ послѣдуетъ новое изданіе. Въ Бельгіи и Швеціи право собственности оканчивается черезъ 20 лѣтъ по смерти.—Во Франціи—черезъ 30 лѣтъ; такъ какъ право это переходитъ ко вдовѣ и дѣтямъ умершаго писателя.—Въ Германіи, въ Португаліи и Неаполѣ—черезъ 30 лѣтъ.—Въ Греціи и Сардиніи—15 лѣтъ.—Въ Соединенныхъ Штатахъ право собственности продолжается 14 лѣтъ, а иногда въ пользу вдовы автора, дѣтей и даже внучатъ его распространяется еще на 14 лѣтъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

изданныя и продающіяся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшемъ Н. Пецъ, въ Большой Морской, въ домѣ
Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

ЛЮБИМЫЯ УВЕРТЮРЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ 2 РУКИ.

(Ouvertures favorites pour le Piano à deux mains.)

HEROLD.	do.	Zampa	70
KREUTZER.	do.	Lodoïska	60
"	do.	Paul et Virginie	60
MEHUL.	do.	Les deux aveugles de Tolède	60
"	do.	La Chasse du jeune Henry	85
"	do.	Joseph	60
"	do.	Une folie	60
"	do.	Euphrosine et Conradin	60
MOZART.	do.	Don Juan	60
"	do.	Così fan tutti	60
"	do.	La Flûte magique (Zauberflöte)	70
NICCOLO.	do.	Les Confidences	70
"	do.	Joconde	60
ROSSINI.	do.	Barber de Sevilla	60
"	do.	La Pie voleuse (Gazza ladra)	70
"	do.	Semiramis	70
"	do.	Tancred	60
"	do.	Guillaume Tell	70
SPONTINI.	do.	La Vestale	60
* STEIBELT.	do.	Roméo et Juliette	70
"	do.	Cendrillon	70
VOGEL.	do.	Demophon	40
WEBER, C. M.	do.	Freyschütz (Robin des bois)	85
"	do.	Oberon	70
*	"	Euryantie, transcrita par A. Henselt	1 50
*	"	Freyschütz, transcrita par A. Henselt	1 50
*	"	Oberon, transcrita par A. Henselt	1 50
WEIGL.	do.	La famille Suisse	40

ПЪСЕННЫЯ СПЕІСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ

(Opéras complets à deux mains.)

ОБЕГЪ.	Фенелла или Палатинскіе Бандиты	2 —
ФЛОТОВЪ.	Ф. Марта или Рычмондскій рыбакъ	4 —
* ГЛИНКА, М. И.	Жизнь за Царя, аранжированная К. Майеромъ и К. Вильбоа	10 —
"	Русланъ и Людмила, аранжированная К. Вильбоа	10 —
ВЕРДИ, Ж.	Трубадуръ	3 —

Полныя оперы для пѣнія съ фортепиано.

(Opéras complets pour le chant avec piano.)

* ГЛИНКА, М. И.	Жизнь за Царя. Большая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ эпилогомъ, слова Барона Розена съ Русскими и Нѣмецкими словами	15 —
"	Русланъ и Людмила. Волшебная опера въ 5-ти дѣйствіяхъ, слова А. С. Пушкина	15 —
* ГЛИНКА, М. И.	Das Leben für den Czaar. Grosse Oper in vier Aufzügen mit einem Epilog.	15 —
"	Russlan und Ludmilla. Romantische Oper in fünf Aufzügen	15 —
* ЛАРГОМЪЖСКІЙ, А. С.	Русалка. Большая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ	15 —